

Лак Мартен

НАРОД И ГОСУДАРСТВО

/перевод с французского/

## 1. НАЦИЯ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО.

Нет более неблагоприятной задачи, чем пытаться рационально различать и разграничивать — иными словами, поднимать до научного и философского уровня — общие концепции, возникшие из случайных практических нужд человеческой истории и наделенные вторичными социальными, культурными и историческими значениями, столь же двусмысленными, сколь и изобильными, и все же заключающими в себе зерна разумного смысла. Такие концепции — бродячие, а не фиксированные, они изменчивы, текучи, и то используются как синонимы, то противопоставляются друг другу. Люди тем охотнее употребляют их, чем хуже знают, что они точно означают. Однако любая попытка определения подобных концепций и отделения их друг от друга порождает множество проблем и трудностей — ввязавший на себя этот труд, рискует сбиться с верного пути при выявлении истины и сделать аналитический и систематический то, что сообщили ему беспорядочный опыт и конкретная жизнь.

Предыдущие замечания поразительно подходят к концепциям Нация, Общество (или Политическое Общество, Политическое Тело) и Государство, и все же для нравомислящей политической философии нет ничего более необходимого, чем попробовать рассортировать эти концепции и ограничить их истинный смысл.

В нашей общеупотребительной, более или менее туманной, разговорной речи все три концепции употребляются (нередко вполне закономерно) как синонимы, но когда речь идет о социальной или политической теориях, их следует резко разграничить. Путаница в понятиях, равно как и систематическое отождествление Нации и Общества, Общества и Государства, Нации и Государства — подлинное бедствие современной истории. Мы нуждаемся в верном переосмыслении этих концепций политической философии, так что строгость всего анализа вполне приемлема.

## 2. ОБЩНОСТЬ И ОБЩЕСТВО.

Иногда все же проводят предварительное различие между общностью и обществом. Конечно, эти термины можно употребить как синонимы (и я сам часто так делал), но с не меньшим правом их можно соотносить с двумя различными по своей природе социальными группами. Это различие, которым самым прискорбным образом злоупотребляют теоретики превосходства "тлани" над разумом, есть твердо установленный социологический факт. И общность, и общество — не просто биологические, а этико-социальные и подлинно человеческие реальности; но общность — скорее творение природы, тесно связанное с биологическими свойствами человека, а общество — скорее творение разума, тесно связанное с его интеллектуальными и духовными способностями. Как внутренние социальные сущности и характеристики этих понятий, так и сферы их применения не совпадают.

Чтобы понять это различие, следует помнить, что социальная жизнь, как таковая, сводит людей вместе на почве некоего общего устремления. В социальных отношениях всегда наличествует материальное или духовное устремление, вокруг которого переопределяется человеческие отношения. В общности, как верно указал Ж.Д. Делос, — это устремление предшествует определению человеческого ума и воли и действует независимо от них, порождая общую бессознательную истину, общие чувства, психологические структуры и ценности. В обществе это устремление проистекает из поставленной цели; оно зависит от определений человеческого ума и воли, ему предшествует человеческая деятельность — решение, или "договор" отдельных людей; таким образом, в социальной жизни общества возникает и берет на себя ведущую роль объективное и рациональное начало. Промышленная фирма, профессиональный союз, научная ассоциация — в не меньшей степени общества, чем любая политическая организация. Региональные, лингвистические группы, социальные классы — общности. Племя, клан — общности, мостящие дорогу политическому обществу и предве-

целение его приход. Общность — продукт инстинкта и наследственности в данных исторических обстоятельствах; общество — продукт разума и нравственного напряжения /того, что в античности называлось "добродетелью"/.

В общности социальные отношения вытекают из данных исторических ситуаций и среды: коллективные эмоциональные стереотипы (или коллективная бессознательная психика) господствуют над личным сознанием, а человек формируется социальной группой. В обществе приоритетом обладает личное сознание, социальная группа формируется людьми, а социальные отношения вытекают из конкретной человеческой инициативы, идей и решимости.

Даже в таких естественных обществах, как семья и Политическое общество, которые необходимо и спонтанно вытекают из природы, — общество, в конечном счете, произрастает из человеческой свободы. Даже в таких религиозных и профессиональных общностях, которые произрастают вокруг определенных индустриальных коммерческих обществ, общность возникает из природы, то есть из реакции и приспособления человеческой природы к данной исторической среде или к воздействию индустриального или коммерческого общества на естественные условия человеческого существования. В общности социальное давление исходит из принуждения, навязывающего на человека шаблоны поведения, и реализуется детерминистическим образом. В обществе социальное давление исходит из закона, рациональных предписаний или идей общей цели, вызывает к личной совести и свободе и требует повиновения.

Общество всегда дает начало общностям и чувству общности в себе и вокруг себя. Общность никогда не может развиться в общество, хотя нередко становится той естественной почвой, на которой разум способен взрастить некую общественную организацию.

### 3. НАЦИЯ.

Нация — это общность, а не общество; причем одна из главных, и, возможно, самая сложная и законченная общность,

порожденная цивилизованной жизнью. Новое время— свидетель напряженного конфликта между Нацией и другой важной человеческой общностью— Классом; и уже сейчас фактически очевидно, что динамиком глубоко укоренившейся в природе Нации— сильнее.

Слово "нация" происходит от латинского "*nasci*", то есть от понятия рождения, однако Нация не является чем-то биологическим, вроде Расы. Скорее Нация— эτικο-социальное понятие: это человеческая общность, основанная на факте рождения и преемственности, но со всеми вторичными реальными значениями этих терминов: рождение и разумной жизни и цивилизованной деятельности, преемственность семейных традиций, социальных и юридических форм, культурного наследия, общих концепций и обычаев, исторических памятников, претезий, страданий, надежд, предрассудков и обид. Этническую общность, вообще говоря, можно определить как общность эмоциональных стереотипов, укоренившихся как в физической почве группы, так и в нравственной почве истории; этническая общность становится нацией, когда эта фактическая ситуация входит в сферу самосознания, то есть, когда этническая группа осознает, что она составляет собой общность эмоциональных стереотипов (или, скорее, имеет общую бессознательную психику) и обладает собственным единством и индивидуальностью, собственной волей к продолжению существования. Нация— это общность людей, создающих себя такими, какими их сделала история, дорожащих своим прошлым и любящих себя такими, какими они знают или воображают себя с некоторыми неизбежными отклонениями. Нарастающее пробуждение национального сознания— характерная черта современной истории. Хотя в этом процессе самом по себе нет ничего плохого, его обострение привело к чуме Национализма в тот момент /и, вероятно, по той причине/, когда концепции Нации и Государства были самым неудачным и взрывоопасным образом смешаны и перепутаны.

Нация имеет /или имела в прошлом/ свою почву, землицу, что не означает, как в случае Государства, подвластной и администрируемой территории, а подразумевает колебель жизни, работы, страданий и надежд. У Нации есть свой язык —

хотя лингвистические группы не всегда совпадают с националь-  
ными. Нация создает свои институты — возникновения которых,  
впрочем, в большей степени зависит от человеческого ума и лич-  
ности, семьи, частных групп в обществе, политической орга-  
низации, чем от самой Нации. Нация имеет свои права, заклю-  
чающиеся в себе права людей разделять специфические ценности  
национального наследства. Нация обладает исторически при-  
званием, но не своим собственным /как если бы существовали  
испаччально запрограммированные национальные коды, одержи-  
мые высшей интеллект/, а лишь исторически-случайной реализаци-  
ей человеческого призвания к раскрытию и проявлению своих  
возможностей.

Несмотря на это, Нация — не есть общество, ибо она не  
переступает порог политической области. Нация — общность об-  
щностей, самосознающая себя сеть общих чувств и представ-  
лений, которые, будучи порождены человеческой природой и  
инстинктом, роятся вокруг физических, исторических и соци-  
альных фактов. Подобно любой общности, у Нации "нет головы":  
у нее есть элита и центры влияния, но нет главы, или правя-  
щей власти; есть структуры, но нет рациональной формы, или  
юридической организации; есть страсти и надежды, но нет об-  
щего блага; есть солидарность членов, но нет гражданского  
товарищества; есть обычаи и ценности, но нет формальных  
норм и правопорядка. Нация не призывает к свободе и ответствен-  
ности личной совести, она прививает людям "вторую натуру".  
Нация — обобщенный образец частной жизни; ей не известны прин-  
ципы взаимодействия общественного устройства. Поэтому националь-  
ная группа не способна к самостоятельному преобразованию в  
Политическое Общество: Политическое Общество постепенно вы-  
деляется из беспорядочной социальной жизни, в которой сме-  
нени политические функции и деятельность общности; идея по-  
литической организации может возникнуть в лоне национальной  
общности, но национальная общность — лишь благоприятная поч-  
ва и повод для ее расцвета, ибо идея политической организа-  
ции принадлежит высшему порядку. Возникновение де-

литической организации означает выход за пределы национальной общности.

Проведенный анализ позволяет понять, насколько серьезными оказались для новейшей истории путаница между Нацией и Государством, миф о Национальном Государстве и так называемый "принцип национального определения", согласно которому каждая национальная группа должна быть организована как отдельное государство. Такая путаница лишила формы и Nation, и Государство. Брожение началось в демократическом театре XIX века и достигло своего безумного апогея в антидемократической реакции XX века.

С корнем вырванная из своего основополагающего порядка, лишенная в ходе противестественного развития своих естественных пределов, Нация превратилась в земное божество, чья абсолютная самость священна; она стала использовать политическую власть для низвержения любого устойчивого порядка среди народов. Государство было отождествлено с Нацией и даже с Расой, и когда мхорадка земных инстинктов охватила, таким образом, ее собственную кровь — Государство заполучило возбужденную волю к власти; оно позволило себе силой закона навязать так называемый тип и дух Нации, став, таким образом, культурным, идеологическим, цезаристско-нацистским, тоталитарным государством. Вместе с тем, это тоталитарное государство выродилось, как Государство, из-за утраты смысла объективного порядка и закона, и поворота в сторону того, что характерно для племенной и феодальной общности. Универсальные и объективные узы закона и специфические отношения между частным лицом и политической организацией были подменены личными узами, связанными с происхождением или с частным обязательством человека перед человеком, перед кланом, партией, вождем.

Только что я подчеркнул различие между двумя социальными реальностями — Национальной Общностью и Политическим Обществом; добавлю теперь к сказанному ранее, что существование конкретного общества естественно порождает вокруг и внутри себя новые общности. Таким образом,

когда Политическое Общество сформировалось и имеет много-  
вековой опыт, уславивший истинное гражданское товарищест-  
во, это естественным образом дает начало национальной об-  
щности высшего порядка, либо осознавая уже существующую  
общность, либо формируя новую Национальную Общность, в ко-  
торой сливаются равные национальности. Здесь, в полную  
противоположность "принципу национального самоопределения",  
Нация выискивает от существования Общества, а не Общество-  
от существования Нации. Не Нация становится Государством,  
а Государство оказывается причиной существования Нации.  
Поэтому такая многонациональная Государственная Федерация,  
как США, является, вместе с тем, многонациональной Наци-  
ей. Истинный принцип национального самоопределения следу-  
ет сформулировать следующим образом: Общество должно до  
такой степени развивать свою собственную нравственную  
энергию и уважение к человеческой свободе, что содержащи-  
еся в ней национальные общности будут, с одной стороны,  
обладать полностью признанными естественными правами, а  
с другой — спонтанно вливаться в единую <sup>и</sup> более сложную и  
высшую Национальную Общность.

Сравним с этой точкой зрения четыре примера: Германию,  
Австро-Венгрию, Францию и США. Германия — комплекс наций;  
она оказалась неспособной осуществить подлинное Полити-  
ческое Общество и компенсировала этот провал противоестест-  
венным вознесением национального чувства и Нации-Государ-  
ства. Австро-Венгрия создала Государство, но не смогла  
выработать Нации. Франция и США пользовались особо благо-  
приятными обстоятельствами — к тому же они обладали чувст-  
вом свободы и осознавали основополагающую роль свободного  
выбора или согласия народа в политической жизни; в обоих  
случаях это помогло выработать единую Нацию, сконцентри-  
рованную вокруг Политического Общества, — Нацию, достигшую  
единства в результате многовековых миситаний или непрекраща-  
ющегося процесса самосоциания.

Для практических целей вполне можно употреблять выра-  
жения Американская Нация или Французская Нация для обо-  
значения Американского или Французского Общества, — но эта



смыслы никого не должна обманывать: всегда следует помнить о фундаментальном различии между Национальной Общностью и Политическим Обществом.

#### 4. ОБЩЕСТВО.

В отличие от Нации, как Общество, так и Государство относятся к разряду обществ, более того, общества в их высшей или "совершенной" форме. В наше время эти термины употребляются как синонимы, причем второй все в большей степени вытесняет первый. Тем не менее, чтобы избежать серьезных недоразумений, необходимо провести ясное различие между Государством и Обществом, которые, принадлежа к одной и той же категории, отличаются друг от друга, как часть от целого: Общество или Политическое Общество есть целое, Государство — важнейшая часть этого целого.

Политическое Общество, требуемое природой и достигнутое разумом — самое совершенное из мировых обществ. Оно представляет собой конкретную и всецело человеческую реальность, устремленную к конкретному и всецело человеческому благу — общему благу. Созданное освободившимся от инстинкта разумом, рожденное его усилиями и заключающее в себе по существу рациональный порядок, оно не в большей степени Чистый Разум, чем сам человек. Общество имеет свою плоть и кровь, инстинкты и страсти, рефлексы, бессознательную психологическую структуру, динамику — но все это подчиняется, в случае необходимости, законному принуждению, приоритету Идей и рациональных решений. Правосудие — главное условие существования Общества; товарищество — его самая живительная форма. Оно имеет тенденцию к подлинно человеческому и свободно достижимому общению, и живет привязанностью и самоотверженностью людей, готовых верить ему свое существование, имущество, честь. Гражданское чувство возникает из этого чувства привязанности и взаимной любви, равно как и из чувства справедливости и закона.

Человек — хотя и не по причине своего собственного Я

и всего того, что он собой представляет и имеет — является частью Общества; поэтому вся его общественная и личная деятельность имеет значение для Общества. Как уже было сказано, Национальная Общность высшего человеческого порядка спонтанно формируется благодаря существованию Политического Общества и, в свою очередь, становится частью ее сущности. С точки зрения материальной причинности ничто не имеет большего значения для жизни и сохранения Политического Общества, чем накопленная энергия и историческая деятельность той Национальной Общности, которую она сама вызвала к существованию. Это подразумевает, главным образом, наследование признанных и неоспоримых структур, установленных обычаев и глубоко укоренившихся чувств, которые вносят в социальную жизнь нечто от детерминированных физических явлений и от бессознательной жизненной силы, присущей растительным организмам. Далее, это — унаследованный опыт, нравственный и интеллектуальный инстинкты, образующие своего рода эмпирическую, практическую мудрость, во много раз более глубокую, основательную и близкую скрытому и сложному динамизму человеческой жизни, чем любая искусственная конструкция разума.

Не только Национальная Общность заключена, таким образом, в Обществе; оно содержит в своем высшем единстве семейные единицы, чьи существенные права и свободы принадлежат ее собственным, а также множество других обществ, которые вытекают из свободной инициативы граждан и должны быть как можно более автономными. Такой элемент плюрализма, присущий всякому истинному Обществу. Семейная, культурная, образовательная, религиозная жизнь имеет значение постольку, поскольку имеет значение политическая жизнь самого существования и процветания Общества. Всякого рода закон — от стихийных, неформулированных групповых предписаний до юридического закона — вносит свой вклад в жизненный порядок Общества. Так как в Обществе власть идет снизу, через народ, то вполне естественно, что весь динамизм власти составляет из отдельных, частных властей,

арусами настраивающимся друг над другом до высшей власти Государства. Общественное благосостояние и общий закон-порядок— важные элементы общего блага, но само общее благо имеет несравненно более богатый и конкретный человеческий подтекст, ибо по своей природе является благой жизнью человеческих масс и принадлежит как целому, так и частям, то есть людям, к которым оно направлено и которые должны извлечь из него пользу. Общее благо— не только собрание предметов общественного пользования и сервиса, предполагаемое организацией общественной жизни: устойчивое финансовое состояние, военная мощь, справедливые законы, добрые обычаи и мудрые институты, сохраняющие структуру Общества, его великие исторические памятники, символы и триумфы, его живые традиции и культурные сокровища. Общее благо включает в себя также социальную интеграцию гражданской совести, политических добродетелей и чувства сознания закона и свободы, человеческой деятельности, материального процветания и духовных богатств, бессознательно действующей наследственной мудрости, нравственной честности, справедливости, дружбы, счастья, добродетели и героизма в индивидуальной жизни членов Общества. В той степени, в какой все эти элементы сообщаются и возвращаются каждому человеку, помогая ему совершенствовать свою личную жизнь и свободу, они образуют в целокупности благоую человеческую жизнь масс.

## 5. ГОСУДАРСТВО.

Из приведенного перечня характерных черт Общества вполне очевидно, что оно отличается от Государства. Государство— лишь часть Общества, особым образом связанная с поддержанием закона, содействием общему благосостоянию и общественному порядку и с управлением общественными делами. Государство— часть, специализирующаяся в интересах целого; это не человек и не группа людей, а ряд институтов, объединенных в высший механизм. Государство— своеобразное произведение искусства, созданное человеком и ис-

пользующее человеческий ум и энергию; оно — ничто без человека, но представляет собой высшее воплощение человеческого разума, безличную сверхструктуру, функционирование которой, так сказать, рационально в квадрате, поскольку в ней деятельность разума, ограниченная законом и системой универсальных предписаний, более абстрактна, очищена от случайностей личного опыта и более безжалостна, чем в любой индивидуальной жизни.

Государство — не высшее олицетворение Идей, как считал Гегель; Государство — не коллективный сверхчеловек; Государство — лишь орган, состоящий из экспертов и специалистов по общественному порядку и благосостоянию, и уполномоченный употреблять власть и принуждение, инструмент на службе человека. Подчинение человека этому инструменту — политическое извращение. Человек, как индивидуум, существует для Общества, а Общество — для человека, но человек ни в какой мере не существует для Государства, это оно существует для человека.

Когда я говорю, что Государство — главная часть Общества, это значит, что оно главенствует над другими органами и частями Общества, но вовсе не значит, что оно главенствует над самим Обществом. Часть, как таковая, подчинена целому, Государство подчинено Обществу как целому и находится на службе у Общества как целого. Является ли, в таком случае, Государство хотя бы "головой" Общества? Вряд ли, ибо голова у человека — инструмент интеллекта и воли, которые деланы обслуживать тело; тогда как осуществляемые Государством функции обслуживают Общество, а не наоборот.

Теория, которую я только что кратко описал и которая видит в Государстве часть или инструмент Общества, подчиненный ему и наделенный высшей властью не по собственному праву и не ради себя самого, а только в силу д требований общего блага, эта теория, которую можно охарактеризовать как "инструменталистскую", основополагает подлинно политическую концепцию Государства. Но мы сталкиваемся и с совершенно иной, деслястической концепцией, основанной на

"субстанциональной" или "абсолютистской" теории Государства Согласно этой теории, Государство есть субъект права, то есть нравственное лицо, и, следовательно, нечто целое; в результате чего оно или накладывается на Общество или полностью его поглощает. Такое Государство пользуется верховной властью в силу своего собственного, естественного, неотчуждаемого права и, в конечном счете, ради себя самого.

Конечно, все великое и могущественное имеет инстинктивную тенденцию (и особый сознани) к возрастанию за пределы своих границ. Власть усиливает власть, машина власти непрерывно разрастается, внешний юридический и административный аппарат стремится к бюрократической самодостаточности— ему хочется видеть себя целью, а не средством. Тот, кто специализируется в делах целого, предрасположен принимать себя за это целое: генеральный штаб— за армию, церковные власти— за Церковь, Государство— за Общество. Подобным образом Государство имеет тенденцию видеть в своем собственном самосохранении и росте— особое общее благо, отличное как от общественного порядка и благосостояния (его непосредственной цели), так и от общего блага (его конечной цели). Но все это— лишь примеры "естественных" излишеств или злоупотреблений, ибо в развитии субстанциональной или абсолютистской теории Государства имелось нечто более специфическое и серьезное. Это развитие особо заметно в перспективе Новейшей истории— как продолжение структур и концепций, свойственных Средневековой Империи, абсолютистской французской монархии классической эпохи и абсолютной власти английских королей династии Стюартов. Примечательно, что само слово "государство" появилось лишь в ходе новейшей истории; понятие Государства безотчетно включали в греческую концепцию города *polis civitas*, подразумевавшую, по существу, Общество и еще в большей степени— в римскую концепцию Империи; однако, в античности оно никогда не было явно раскрыто. Согласно распространенной (х несчастлив!) исторической модели, как нормальное развитие Государства (представляющее само по себе разумный и подлинный прогресс), так и развитие ложной абсолю-

тистской юридической и философской концепций Государства происходили одновременно.

Адекватное объяснение этого исторического процесса потребовало бы долгого и досконального анализа, поэтому я предполагаю известным, что в Средние века власть Императора, а в Новейшие времена власть абсолютного Государя исходила из Общества свыше и накладывалась на него. Столетиями политическая власть была привилегией высшей "социальной расы", которая обладала правом (и верила, что оно — врожденное или непосредственно данное Богом и неотчуждаемое) на верховную власть, управление и нравственное руководство Обществом, состоящим, как считалось, из несовершеннейших людей, способных на выдвижение своих требований, протесты и бунты, но только не на самоуправление. Так в "эпоху барокко", когда реальность Государства и сознание Государства постепенно оформилась в виде великих юридических достижений, возникла более или менее путанная концепция Государства как целого /иногда отождествляемого с Государем/, которое накладывалось на Общество или включало его в себя, и пользовалось властью свыше в силу своего естественного и неотчуждаемого права — то есть, обладало суверенитетом. В подлинном смысле этого слова (который зависит от исторического возникновения концепции суверенитета, предшествующей различным определениям кристов) суверенитет означает не только реальное обладание верховной властью и право на нее, но и естественное, неотчуждаемое право на верховную власть, не зависящую от подданных и стоящую над ними.

После Французской Революции концепция Государства как целого сохранилась, но ударение было перенесено с Государя на Nation, ошибочно отождествленную с Обществом; с тех пор Nation, Общество и Государство стали отождествлять. Сохранилась и концепция суверенитета (как естественного или врожденного и неотчуждаемого права на верховную трансцендентную власть), которая также была перенесена с Государя на Nation. Вместе с тем, в силу волюнтаристской

теории закона и общества, достигшей своего апогея в философии XVIII века, Государство превратилось в лицо /так называемое "нравственное лицо"/ и субъект права, благодаря чему атрибут абсолютного суверенитета, приписываемый Нации, неизбежно должен был быть затребован и фактически осуществлен Государством.

Так в Новое время теории демократии широко признавали деспотическую или абсолютистскую концепцию Государства — вплоть до Гегеля, пророка и теолога тоталитарного, обожествленного Государства. /В Англии лишь теория Джона Остина пыталась до некоторой степени смягчить и цивилизовать старого гоббсовского Левшафана/. Указанному процессу благоприятствовало одно символическое свойство, принадлежащее Государству, а именно: подобно тому, как мы говорим "двадцать голов скота", имея в виду двадцать животных, так и высшая часть Общества естественным образом представляет собой Общественное Целое, тем более, что последнее понятие поднимается в идее Государства на высшие ступени абстракции и сивелини. В абсолютистской концепции Государства этот символ был гипостазирован и стал реальностью: Государство — метафизическая монада, персона, целое в себе, само Общество в высшей степени своего единства и индивидуальности. Так Государство вобрало в себя и Общество, на которого оно переходит, в индивидуальные, или частные воли, породившие, согласно А.-Ж. Руссо, Общую Волю, чтобы исторически умереть и возродиться в ее единстве.

Указанная концепция Государства, усилена в человеческой истории, навязала демократии нетерпимые самопротиворечия в ее внутренней — и особенно в международной — жизни. Не являясь частью аутентичных принципов и вдохновляющих идей демократии, она относится к ложному идеологическому наследию, которое, словно паразит, полтачивает демократию. Во время господства индивидуалистской, или "либеральной" демократии, Государство, превратившееся в абсолют, стремилось подманить собой народ и таким образом от-

странить его от политической жизни; кроме того, оно легко ввязывалось в волновавшие XIX век национальные войны. Тем не менее, в послеполеоновскую эпоху отрицательные возможности процесса абсолютизации Государства сдерживались демократической философией и превалировавшей тогда политической практикой. С появлением тоталитарных режимов и философий были реализованы самые худшие возможности; Государство, превратившись в абсолют, открыло свое истинное лицо: нешему времени выпала привилегия стать свидетелем государственного тоталитаризма Расы, Нации и Экономической Общности.

Здесь необходимо подчеркнуть один момент. Современные демократии должны самым настоятельным образом стремиться к развитию социальной справедливости, совершенствованию управления мировой экономикой и защите себя от тоталитарных угроз извне и тоталитарной экспансии в мире; однако, преследование этих целей неминуемо связано с риском передачи под внешний контроль Государства самых широких функций социальной жизни. Мы вынуждены идти на риск до тех пор, пока наша концепция Государства не будет переформирована на подлинно демократических основаниях, и пока Общество не обновит свой состав и сознание таким образом, чтобы люди могли более эффективно использовать свободу, а Государство — стать действенным инструментом общего блага. Только тогда внешний орган, который необходим современной цивилизации для осуществления политического, социального, морального, интеллектуального и научного прогресса человека, перестанет угрожать свободе человеческой личности, его умственной и духовной деятельности. Только тогда восстановятся высшие функции Государства — обеспечение закона и облегчение свободного развития Общества, и граждане вновь обретут государственное сознание. Только тогда Государство достигнет своего подлинного величия, происходящего не от власти и престижа, а от справедливости и правосудия.



## 6. НОРМАЛЬНЫЙ РОСТ И ПРОЦЕСС ОТКЛОНЕНИЯ.

Мне не хотелось бы быть неверно понятым. Надеюсь, из моих предыдущих замечаний с достаточной ясностью вытекает, что я не осуждаю и не умаляю Государство и его поразительный рост в ходе Новейшей истории— это было бы так же нецелесообразно и глупо, как осуждать или отвергать технические достижения, которые преобразовали мир, хотя и не смогли стать инструментом освобождения человека. С XIX века государственное вмешательство было необходимо для компенсации всеобщего неуважения к справедливости и человеческой солидарности, преобладавшего на раннем этапе индустриальной революции. Государственное законодательство по вопросам найма и труда само по себе является требованием общего блага. Без власти Государства— демократического Государства— свободный политический строй не смог бы сопротивляться давлению и агрессии тоталитарных Государств. Рост Государства в новое время как рациональной, юридической и технической машины, а также усиление его власти, единства, дисциплины, организующей роли является сам по себе частью нормального процесса.

Этот процесс был совершенно искажен в тоталитарных государствах, а в демократических— заключает в себе немалый риск, особенно в том, что касается развития социальной справедливости.

Нам может не нравиться государственный аппарат (мне, например, он не нравится), однако, много из того, что нам не нравится, необходимо, как ~~фактически~~ фактически, так и по праву.. С одной стороны, люди, объединенные в Общество, нуждаются в Государстве ради справедливого порядка; с другой, «социальная справедливость— важнейшая потребность современных обществ, в силу чего первым долгом современного Государства является ее поддержание.

Фактически, этот долг выполняется с преувеличенным акцентом на власть Государства, так что последнему приходится восполнять недостатки Общества, основные структуры которого, с точки зрения справедливости, находятся на не-

должной высоте. Эти недостатки— главная причина беспокойства; поэтому всякие теоретические возражения и частные претензии, даже оправданные в своих конкретных сферах, приходится с неизбежностью рассматривать как нечто второстепенное перед лицом жизненной необходимости (не только фактической, но и нравственной) удовлетворения потребностей и прав человеческой личности в самых широких слоях Общества.

Задача, на мой взгляд, состоит в том, чтобы отделить нормальный прогресс Государства от подтачивающих его ложных концепций, связанных с теорией суверенитета, а также в том, чтобы изменить остальные социальные условия, которые навязывают прогрессу слишком тяжелое бремя и делают возможным серьезное отклонение от него. В эти остальные социальные условия, и ложные абсолютистские концепции дает начало процессу отклонения, подтачивающему нормальный рост. Как описать этот процесс? Он развивается, как явствует из наших замечаний, тогда, когда Государство ошибочно принимает себя за целое, за Общество и берется за осуществление функций и выполнение задач, относящихся к области ведения Общества и различных его частей. Здесь мы и сталкиваемся с "патерналистским государством", то есть Государством, не только надзирающим за осуществлением общего блага /что вполне допустимо/, но и непосредственно организующее, контролирующее и управляющее /в той степени, в какой, по его мнению, требуют интересы общественного благосостояния/ жизнь Общества во всех его формах— экономической, индустриальной, коммерческой, научной и культурной.

В связи с этим отметим, что так называемая "национализация", а фактически "огосударствление" может оказаться в определенных случаях, желательным и даже необходимым, но должно оставаться исключительным явлением, ограниченным теми общественными институтами, которые столь непосредственно затрагивают существование, порядок и внутренний мир Общества, что риск плохого управления оказывается

меньшим злом, чем риск передачи верховной власти частным интересам. Безусловно, Государство обладает умением и компетенцией в административной, юридической и политической сфере, но во всех иных областях оно неизбежно тупо и бездарно — в результате чего с легкостью становится неблагоприятным деспотом. Стать менеджером в бизнесе или ведущим вдохновителем в делах культуры, науки и философии противоречат самой природе этого безличного и, так сказать, абстрактного высшего органа, отгороженного от изменяющихся обстоятельств, взаимной напряженности и динамики конкретной общественной жизни.

В силу удивительной путаницы в слове "национализация", как правило, вкладывает социальный смысл, в то время как слово "социализация", напротив, будь оно правильно понято, имело бы скорее персоналистское и плюралистическое содержание, ибо, взятое в своем подлинном смысле, оно относится к такому процессу социальной интеграции, в ходе которого объединение в одно предприятие распространяется не только на инвестированный капитал, но также на труд и управление, и все вовлеченные люди и группы оказываются, в той или иной форме, партнерами по совместному владению и совместному управлению. Этот процесс — ни в коем случае не наступление на личную собственность, а ее экспансия. Он зависит от изменения для свободной инициативы новых экономических возможностей и регламентов, наиболее успешные из которых со временем будут санкционированы законом. Он происходит из нормального роста системы свободного предпринимательства, когда общественное сознание осознает социальную функцию частной собственности и необходимость подчинения органических и институциональных форм тому закону "общей пользы", которому Тома Аквинский придавал особое значение.

Таким образом, для того, чтобы современное Общество двигалось в верном направлении, первый, обусловленный требованиями общего блага шаг должен состоять в предоставлении Государством преимуществ и поддержки крупным предприятиям, планируемым и управляемым не Государством и не политической администрацией, но на месте, на основе

скоординированной частной инициативы, самыми различными областями заинтересованных людей, под руководством независимых, ответственных лиц. Таким образом, само Государство дает начало процессу нарастающей децентрализации и "разгосударствления" общественной жизни, способствующего возникновению нового персоналистского и плюралистического строя.

Государственное стимулирование утрачивает при таком строе необходимость, и все органические формы общественной и экономической деятельности, даже самые крупные и разносторонние, начинаются снизу, то есть, на основе свободной инициативы и взаимного напряжения частных групп, рабочих коммун, кооперативных органов, союзов, ассоциаций, федеративных корпораций производителей и потребителей. В этом случае возникает персоналистская и плюралистическая модель общественной жизни, в рамках которой развиваются новые разновидности частной собственности и предпринимательства, и Государство представляет разнообразными общественными органам автономную инициативу и управление всей деятельностью, которая по самой сути принадлежит им. Единственной прерогативой Государства остается прерогатива верховного посредника и надзорителя, регулирующего всю эту стихийную и автономную деятельность с точки зрения общего блага.

Вполне возможно, что в плюралистически организованном Обществе Государство превратится в высший орган, занятый лишь надзором за достижениями автономных институтов, свободное взаимодействие которых выражает жизнеспособность справедливого в своей основе Общества.

Размышляя, скажем, что общее благо требует наличия в Обществе определенной сети власти и полномочий, а следовательно — специального органа, наделенного во имя справедливости и закона высшей властью. Государство и есть этот верховный политический орган. Но Государство не представляет собой ни целого, ни правового субъекта, ни юридического лица; оно — часть Общества, и как таковое подчиняется Обществу как целому и служит его общему благу.

Общее благо Общества — конечная цель Государства, главнейшая над его непосредственной задачей поддержания общественного порядка. Первая обязанность Государства касается справедливости; она должна осуществляться только в виде надзора за достижениями в основном справедливого Общества. Наконец, Общество должно контролировать Государство, которое само наделено функциями управления. На острие пирамиды всех частных структур власти, которые в демократическом Обществе формируются снизу вверх, Государство обладает высшей властью, но эту власть Государство принимает от Общества, то есть от Народа; Государство отнюдь не обладает естественным правом на высшую власть. Как следует из критического анализа концепции суверенитета (которому посвящена вторая глава этой книги), верховная власть Государства ни в коем случае нельзя считать суверенной.

С точки зрения здравомыслящей политической философии в политическом обществе вообще отсутствует суверенитет, то есть естественное и неотчуждаемое право на трансцендентную или сепаратную верховную власть. Ни Князь, ни Король, ни Император не были на самом деле суверенами, хотя они обладали теми или иными атрибутами суверенитета. Не могут быть суверенными ни Государство, ни даже Народ: один Бог суверенен.

## 7. НАРОД.

Мы рассмотрели Nation, Общество, Государство; поговорим теперь о Народe.

Я только что сказал, что Народ не обладает подлинной суверенностью, ибо понятие суверенитета относится к власти и независимости, которые отделены от целого и пребывают над целым. Совершенно очевидно, что власть и независимость Народа не отделены от самих людей и не пребывают над ними. О Народe, как и об Обществе, следует говорить не то, что он — суверенен, а то, что он обладает естественным правом на полную автономию и самоуправление.

Народ осуществляет это право, учреждая Конституцию, принимая законы и решения, избирая своих представителей. Это право всегда остается при нем — именно оно позволяет народу контролировать Государство и административных чиновников. Народ передает право управлять и издавать законы тем, кто назначен заботиться об общем благе, так что, обложив отдельных людей властью, народ самим осуществлением своего права на самоуправление ограничивает его дальнейшее осуществление, что никоим образом не отменяет и не уменьшает этого права. Административные чиновники, или Администрация, то есть люди, наделенные исполнительной властью, являются /в самом строгом смысле слова "правящей"/ правящим органом в Государстве, ибо народ сделал их представителями всего Общества. Все это соответствует нашему выводу, что "суверенитет народа" — отнюдь не самая точная формула демократического строя и что гораздо точнее высказывание Линкольна: "Правление народа, народом, для народа". Это значит, что народом управляют люди, которых он сам выбрал, которым доверил право распоряжаться, выполняя определенного рода функции, и над правлением которых он осуществляет регулярный контроль — в первую очередь через своих представителей.

Что касается самого понятия "народ", то современная концепция народа имеет длинную историю и объединяет в себе самые разные значения. Ограничиваясь политическим смыслом этого слова, можно сказать, что народ — это множество людей, которые, объединенные справедливыми законами, взаимной дружбой и общим благом, образуют Общество. Общество есть целое, составленное из народа; народ — органический союз людей, образующий Общество. Таким образом, сказанное об Обществе и Нации, об Обществе и Государстве сохраняет свою силу относительно Народа и Нации, Народа и Государства, тем более, что Народ — люди, не только формирующие Общество, но и обладающие духовной природой и вневременным значением. Народ — высшая и благороднейшая концепция среди тех концепций, которые мы анализируем. Народ — живая и свободная субстанция Общества. Народ — выше Государства;

не Народ— для Государства, а Государство— для Народа.

Хочу особо подчеркнуть, что Народ имеет особую нужду в Государстве именно потому, что Государство— отдельный орган, специально устроенный в забота с целом, и таким образом, обязанный защищать и охранять Народ и его права, и способствовать улучшению его жизни в противовес користи и партикулярному привилегированных групп и классов. Во Франции народ и король несколько двусмысленно опирались друг на друга в своей борьбе против господства крупных феодалов и знати. В Новое время мы — свидетели борьбы Народа и Государства за социальную справедливость. Как видно, этот процесс подтачивает абсолютизм тоталитарного Государства, которое, подменяя собой внешние принципы добра и зла, ведет народ к несчастью и рабству; однако он не исключается и подвергается опасности в случае капитуляции Народа перед Государством, которое, сколь бы благим оно ни было, не свободно ни от представления о своем так называемом суверенитете, ни от фактических недостатков самого Общества. Для того, чтобы поддержать и сделать плодотворным движение за социальное совершенствование, поддерживаемое Государством, и возвратить Государству его подлинную сущность, необходимо, чтобы большинство функций, осуществляемых до сих пор Государством, были распределены среди различных автономных органов плюралистически устроенного Общества. Но в первую очередь необходимо, чтобы Народ имел волю и средства к установлению своего контроля над Государством.

---